

Е Тао взял салфетку, чтобы вытереть ей слезы, но Юйтун вздрогнула и прижалась к спинке стула. В её больших глазах мелькнул страх. Хотя это проявление эмоций было мимолетным, Е Тао успел его заметить.

Этот неожиданный и незначительный эпизод избавил Е Тао от долгих расспросов о случившемся, но он не испытывал от этого радости. Он бы предпочел, чтобы Юйтун не хотела идти в школу из-за капризов или упрямства, чем если бы маленькая девочка плакала, рассказывая, что её учитель к ней прикасался.

Юйтун было всего девять лет, она не могла понять, какие мотивы двигали учителем. Она лишь чувствовала, что это странно и неприятно, вызывая у неё инстинктивный страх и отторжение. Но учитель запугал её, запретив рассказывать кому-либо. Такие угрозы не подействовали бы на взрослого, но могли легко напугать маленькую девочку.

Когда Ло Дун с охраной вернулись в кабинет с найденным Баобао, они увидели Юйтун с красными от слез глазами и мокрым лицом, а Е Тао был мрачен, его губы посинели, а грудь тяжело вздымалась.

Ло Дун поспешил к нему:

— Что с тобой? Тебе плохо?

Люди со слабым здоровьем особенно уязвимы для сильных эмоций. В груди у Е Тао стояло тяжесть, словно её сдавил тяжелый камень. Он старался успокоить дыхание:

— Я в порядке. Девочка, иди поиграй с Баобао, только не уходите далеко.

Видимо, бледность Е Тао напугала детей, и они не осмелились отказывать, чтобы не расстроить его. Юйтун послушно соскользнула со стула, подняла смущенного и обеспокоенного Баобао и вышла из кабинета.

— Дун, помоги мне разобраться с одним человеком, — Е Тао сжал салфетку, которой вытирал слезы Юйтун. Его лицо было мрачным и зловещим. Хотя Юйтун была не его родной дочерью, она была дочерью его благодетеля, и он был привязан к ней всем сердцем. Он не простит этому скоту!

Ло Дун слегка опешил. Е Тао был человеком, который редко показывал свои эмоции, и за годы их знакомства Ло Дун впервые видел его в таком гневе.

Е Тао боялся, что семья Чжоу заметит его плохое самочувствие, и хотел немного прийти в себя перед возвращением, но в груди все сильнее нарастала тяжесть, а губы приобретали синеватый оттенок.

Ло Дун, видя это, забыл о собственном гневе из-за случившегося с Юйтун и стал уговаривать:

— Ты поосторожней, не порти себе здоровье из-за такого отребья. — Он сделал паузу, затем добавил:

— Может, тебе вернуться домой? По-моему, твой вид скоро не исправится. Скажи им, что твоя кошка чуть не потерялась, и ты из-за этого переживал и волновался. Наверное, сойдет.

Баобао, услышав эти слова, не рассердился, а когда Е Тао посмотрел на него, даже кивнул. Баобао не знал, из-за чего Е Тао так разозлился, но он лучше любого понимал, насколько

хрупким было это тело. Другие видели лишь плохой цвет лица, а он знал ту боль, которую испытывал Е Тао.

Когда Е Тао вернулся в дом Чжоу, было уже за восемь вечера. Едва он переступил порог, дядюшка Чжоу и Сяо Чэн заметили, что он плохо выглядит. Он сослался на усталость, отправил их прочь и лег спать раньше обычного.

Дядюшка Чжоу был не из тех, кого легко провести. Выйдя из комнаты Е Тао, он нашел охранника, который ходил с ним. Тот честно рассказал всё, что знал, но информации было мало. Дядюшка Чжоу смог составить лишь смутное предположение: кошка молодого хозяина убежала, её долго искали, и молодой хозяин, вероятно, сильно переживал, ожидая её возвращения, поэтому еще не пришел в себя.

Из-за слабого здоровья даже гнев наносил ему больший урон, чем обычному человеку. В ту же ночь у Е Тао разболелся желудок. Боль была такой сильной, что он ворочался в постели, покрытый холодным потом. Баобао проснулся от шума и предложил позвать кого-нибудь.

Е Тао не хотел поднимать шум. Бледный, он прошептал Баобао, что всё в порядке. Котенок тыкался носом в его руку, но Е Тао не двигался.

— Почему ты такой упрямый?! — Баобао, от злости и беспокойства, дважды мяукнул, затем вспрыгнул на изголовье кровати и несколько раз ударил лапкой по кнопке вызова.

Через несколько минут дядюшка Чжоу и Сяо Чэн поспешили в комнату, а вскоре пришел и старейшина Лю со своим учеником.

— Гнев вредит печени, энергия печени давит на желудок. У молодого хозяина слабое здоровье, и внезапный гнев нанес серьезный урон организму, — сказал старейшина Лю, ощупав пульс Е Тао. Он выписал рецепт для успокоения печени и нормализации желудка и отправил ученика готовить лекарство.

Хотя в доме всегда было много лекарств, и их быстро приготовили, действие травяных отваров было медленным, а Е Тао страдал от сильной боли. Старейшина Лю также сделал ему иглокалывание.

Когда дядюшка Чжоу и остальные вышли, Е Тао приподнял веки и сказал старейшине Лю:

— Мой дядя в командировке. Если он узнает, что я заболел, он очень встревожится.

Его лицо было бледным, волосы, прилипшие к лбу от холодного пота, свисали на брови. Он выглядел изможденным и слабым, но в его глазах, устремленных на старейшину Лю, сквозило что-то непонятное.

— Молодой хозяин, не переживайте слишком сильно, — старейшина Лю, поняв намек, успокоил его. — Несколько дней покоя, и вы поправитесь. Я сам поговорю со вторым молодым хозяином, чтобы избежать лишних волнений и преувеличений.

Работа в таком доме требовала не только высокого медицинского мастерства. Чтобы удержаться на своем месте и сохранить жизнь, нужно было понимать, когда стоит притвориться глупым, а когда — мудрым. Старейшина Лю, проживший долгие годы, прекрасно это понимал. Но одно оставалось для него настоящей загадкой: как этот избалованный и вспыльчивый молодой хозяин смог менее чем за год так сильно измениться?

Е Тао, как подобает младшему, вежливо произнес:

— Благодарю вас за заботу.

Чтобы Чжоу Цзыцянь не увидел его в таком состоянии, Е Тао послушно пил лекарства и соблюдал покой, стараясь не думать о том, что вызывало у него гнев и тоску. После двух дней такого режима боли в желудке прошли, но в груди по-прежнему периодически возникала тяжесть, а цвет лица оставался плохим.

Чжоу Цзыцянь вернулся вовремя. Не заходя к себе, он сразу пошел проведать племянника. Хотя его настоящий племянник скучал по нему, он, чувствуя вину за прошлый поступок, спрятался с самого утра. В комнате был только Е Тао. Рядом с ним стояла пустая миска из-под лекарства, а в комнате пахло травами. Сам Е Тао, завсегдатай больничных палат, был весь пропитан запахом лекарств и выглядел больным.

— Дядя, — Е Тао встал, увидев входящего Чжоу Цзыцяня.

— Я же говорил тебе не выходить, а ты не слушаешь, — начал Чжоу Цзыцянь с упреком, но в его голосе звучала скорее досада, чем строгость. — Теперь волей-неволей придется тебе вести себя тихо.

Е Тао опустил глаза, изображая раскаяние.

Чжоу Цзыцянь вздохнул:

— Садись.

Е Тао бросил на него взгляд, отодвинул стул и, когда Чжоу Цзыцянь сел, потянулся к чайнику на столе. Чжоу Цзыцянь махнул рукой:

— Хватит, не притворяйся послушным.

Е Тао промолчал и отошел в сторону. Чжоу Цзыцянь недоумевающе смотрел на него: тот подошел к книжной полке и замер.

— Что ты делаешь? — спросил Чжоу Цзыцянь.

— Стою лицом к стене.

— Ты придумал новый вид наказания, — Чжоу Цзыцянь не удержался от улыбки. — Ну-ка, иди сюда.

Е Тао обернулся:

— Ты все еще злишься?

— Если бы я злился на тебя, я бы давно умер от ярости, — с усталостью ответил Чжоу Цзыцянь.

Е Тао снова повернулся к стене:

— То, что ты не злишься на меня, не означает, что ты не злишься вообще. Я буду стоять здесь, пока ты не успокоишься.

Чжоу Цзыцянь:

«...»

Е Тао молча стоял, каясь в своих грехах.

Чжоу Цзыцянь сказал:

— Может, лучше поставить тебя на колени? В прошлом году ты наделал столько бед, что, если бы ты сразу же не заболел, я бы тебя не простил. Раз уж ты готов к искуплению, давай восполним упущенное.

Хотя это была правда, Чжоу Цзыцянь не был так великодушен, как пытался показать. Его племянник попытался покончить с собой, и Чжоу Цзыцянь сорвал свою злость на всех, кто попадался под руку, в первую очередь на Сяо Чэне. К счастью, дядюшка Чжоу заступился за него, напомнив о его прошлых заслугах, иначе бедный толстяк был бы уволен за «халатность, приведшую к падению молодого хозяина в пруд с лотосами».

Е Тао знал об этом, но не мог использовать это как аргумент в своей защите, поэтому сказал Чжоу Цзыцяню:

— Мужчина не встает на колени.

Чжоу Цзыцянь рассмеялся:

— Хватит кривляться, иди сюда!

Е Тао воспользовался моментом и вернулся к чайному столу. Красивый юноша опустил глаза, его длинные ресницы скрывали спокойный и уверенный взгляд, и снаружи он казался очень покорным.

— Дай посмотрю, — Чжоу Цзыцянь, словно проверяя, не похудел ли его выращенный питомец, ущипнул его за невероятно тонкую талию, а затем внимательно осмотрел лицо. — Цвет лица ужасный, желудок еще болит?

Е Тао, которого щекотало от его прикосновений, терпеливо перенес это:

— Намного лучше.

В дверях звякнули бусины, и в комнату заглянула пушистая головка, с невинным любопытством разглядывая людей.

Чжоу Цзыцянь что-то почувствовал и уже хотел обернуться, как вдруг на его коленях что-то тяжелое, а по лицу скользнул поцелуй.

Чжоу Цзыцянь на мгновение замер от неожиданной «инициативы» Е Тао:

— Что ты делаешь?

Е Тао, устроившись у него на коленях, с серьезным видом ответил:

— Капризничаю.